

Валерий Давыдов

РУССКИЕ БУКВЫ

СТИХИ

.ru

абыли пароль?

В поле содержатся
русские буквы

Валерий Давыдов
Русские буквы. Стихи

«Издательские решения»

Давыдов В.

Русские буквы. Стихи / В. Давыдов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854840-6

Стихи о Камчатке, России, любви, истории, природе, море, войне на Украине.
А также творческая автобиография, авторские сентенции, юмор, сатира,
пародии, песни.

ISBN 978-5-44-854840-6

© Давыдов В.
© Издательские решения

Содержание

Мы уходим за Волгу	7
Генетический код	8
Мы и сами уйдём	9
Романтики несбывшихся надежд	10
Ренессанс	11
Безвременник	12
Я пишу о России	13
Я шёл всё время строго на восток	14
Если прямо лететь	15
Июнь	16
Русские буквы	17
Нам снова не хватает трубача	18
Буржуйка	19
Сент-Женевьев-де-Буа	20
Такие, брат, высоты!	21
Я убегаю от любви	22
Когда встаёт Россия	23
Крапива	24
Листопад	25
Я не имею права на любовь	26
Полынь сорок первого года	27
Вы терпенья займите у русских	28
Советское – значит отличное!	29
Где ты – курица хромая?	30
У памятника утонувшим лошадям	31
Устал ли я быть русским человеком?	32
Конвергенция	33
Я – конвой!	34
Все поэты гибли из-за женщин	35
Лохи	36
Культурная революция	37
Расстрел	38
Меня готовили для очень важных дел	39
Наваждение	40
Последние стихи	41
Девушка с веслом	42
Забытая страна	43
Россия за нами!	44
А снегири не прилетели почему-то	45
Бульжник	46
Рада	47
Нас отскребли от сталинградских стен	48
Спасибо, рябина!	49
Как неслышно бредёт революция	50
Уроки перемен	51
Плохие стихи	52

Океанский проспект	53
Последний привал	54
Деревенский поэт	55
Я несусь ни кругло, ни квадратно	56
Разговор с поэтом о сущности естества	57
Я перешел на ямб и что с того?	58
Юзом	59
Давай, покурим перед стартом!	60
Не Д, Арганьян и слава Богу!	61
Угарное	62
Лебединое озеро	63
А в трубку молчал это я...	64
Снайпер	65
Насыпьте мне в пакетик пешки	66
Вешки	67
Флейта Пана	68
Поднимающий знамя	69
Чёрный тюльпан	70
Автономка	71
День влюблённых по-русски	72
Тройка	73
Георгиевский жук	74
Мы в своих естественных пределах	75
Разговор времени с поэтом	76
Пока ещё отображаюсь	77
Послание Ахматовой из Ташкента	78
Будьте прохожими!	80
Ответ Сталину о роли поэтов	81
Русские девочки	83
Деревня как маленький город	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Русские буквы Стихи

Валерий Давыдов

© Валерий Давыдов, 2017

ISBN 978-5-4485-4840-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы уходим за Волгу

Мы уходим за Волгу, уходим за Дон,
Как за реку Смородину давних времён,
Как за Днепр уходили, потом за Неву,
Как во сне уходили, а не наяву.
Но потом возвращались, срастив берега,
Чтобы снова за речкой увидеть врага,
Чтобы снова уйти и вернуться опять,
Если нечего будет на свете терять.
Мы уходим опять и приходим всегда,
Вместе с вражеской кровью стекает вода,
И как будто на берег холодной Невы
Забирается кто-то уже, а не вы.
И как будто уже не пора уходить —
Порвалась незаметная, тонкая нить!
Но встаём и уходим опять и опять,
Чтобы снова на речке какой-то стоять.
Сталинград, Петербург и Ростов-на-Дону —
Мы у речек великих как будто в плену
И в долгу у подлунных крутых берегов,
У которых сломалось немало рогов,
И зубов обломалось, когтей и копыт,
Чтобы я, где повыше, был в землю зарыт.
Чтобы там, где утёс, или там, где скала,
Чтобы каждая сволочь увидеть могла:
Не замай и беги, я – на том берегу,
И уйти я оттуда уже не смогу.

Генетический код

Мы идём на Берлин. Почему же опять на Берлин?
Неужели для нас это вектор гомеровских басен?
И Варшава уже из-за наших таращится спин,
Мы её за собой потащили, хоть путь и опасен.
В сапогах, а следы босиком – мы идем на Берлин.
«Студебеккер» ревёт, испугав санитарную лошадь,
Мы седые солдаты из вечных каких-то глубин,
Пусть в пехоту берут, как известно, таких, кто поплоше.
А в герои берут тех, кто выжил – один к десяти,
Это русский отбор, отдыхают и Павлов, и Дарвин,
Мы идём на Берлин, ты, пожалуйста, друг, не части,
Мы и так впереди всех известных в истории армий.
Мы идём на Берлин. Генетически выверен код.
Так на север летят неподвластные времени птицы,
Так по курсу идёт не боящийся льда пароход,
И у нас оттого безмятежно счастливые лица.
А вчера я за водкой с приятелем шёл в магазин
И мечтал лакернуть её пивом с сушеною воблой,
Но приятель убит, и один я шагаю в Берлин,
Потому что война, и я знаю, что чудище обло¹.

Сам, быть может, не знал, только мне подсказал политрук,
Что огромно оно, а ещё и озорно, и лаяй,
И к тому же стозевно – ну как не отбиться от рук,
Но покончим мы с ним ранним утром 9 мая!
А они по-другому шагали всегда на восток:
С истерическим смехом, с дурацкой губною гармошкой,
И хотя утверждали, что с ними присутствует Бог,
Только им почему-то всегда не хватало немножко.
Бог – он с нами как раз, и он тоже идёт на Берлин,
В краснозвёздной пилотке колонну ведет атеистов,
Если танки пройдут между противотанковых мин,
Значит, что-то в Европе и в этом Берлине нечисто.

¹ «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно илай» – эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева, взятый всвою очередь из поэмы Тредиаковского

Мы и сами уйдём

Мы уходим, простите, последние люди эпохи,
Где совком еще не был любимый Советский Союз,
Под Славянском мы ловим последние пули на вдохе,
И на нас изумленно спасенный глядит карапуз.
Мы последние сделаны из перекованной стали
Танков, что в переплавку свезли из-под Курской дуги,
Мы последними брали отцовские в руки медали,
Потому и предать никого никогда не могли.
Нас убьют, как когда-то убили тех рыцарей белых,
Что Россию запомнили чистой, прекрасной страной,
Мы и сами уйдем, потому что нам всё надоело,
Нас не нужно жалеть, как поют у нас в песне одной.
Мы простые ребята, афганцы и бамовцы тоже,
Комсомольцы, конечно, хоть это сегодня смешно,
Но ведь это не повод сдирать с нас живых ещё кожу,
И без воздуха в лодке спускать нас на самое дно.
Мы готовы на смерть, мы воспитаны нашей Победой,
Для себя не искали каких-то особенных благ,
Мы извели то, чего вам никогда не изведать,
Когда в детстве мальчишки берут ежедневно рейхстаг.
Это в нас воспитало какую-то страшную веру,
Этой веры боятся, смотрю, на планете кругом,
Потому выставляют посмешищем и изувером,
Ну а нам наплевать, и насмешки мы переживём.
Только страх перед нами вы как-нибудь переживите,
Потерпите недолго, мы скоро и сами уйдём,
Мы оставим немного вам метров своих общежитий,
И ладони, пробитые пулей, как будто гвоздём.

Романтики несбывшихся надежд

Уходит безвозвратно поколение
Романтиков несбывшихся надежд,
И поздно нам менять мировоззренье,
И в чём-то переубеждать невежд.
Невеждам этим ничего не нужно,
Мечты, надежды, вера – ни к чему,
Любовь и та им чересчур натужна,
Я их уже, наверно, не пойму.
Останемся с нелепыми мечтами,
Где нет в помине матерьяльных благ,
Ни с кем не поменяемся местами,
И как «Варяг» в бою не спустим флаг.
Победа будет, верю я, за нами,
А против веры бесполезно всё,
Пусть мы живём, укутанные снами,
И только ерунду одну несём.
Совсем другие люди, ну так что же?
Ошибся, может, главный Программист?
Приговорил нас, может, уничтожить,
И снова вставил в принтер чистый лист.
Но только с Программистом мы поспорим,
Мы – атеисты, вот ведь дело в чём!
Что был неправ, он убедится вскоре,
Но будет поздно – мы уже уйдём!
А нет – и Бог с ним, доживайте с миром,
Нам этот мир постыл который год,
Как надлежит хорошим командирам
Собою прикрываем мы отход.

Ренессанс

Юрий Гагарин, Муслим Магомаев,
Мне не хватает вас Первого мая,
Мне не хватает тебя в Новый год,
Глупый заблудший советский народ!
Я задыхаюсь в стране без названья,
Два их, но в этом и есть наказание,
Но почему не вернуть, например,
Старое доброе СССР?
Мы не РФ, а совки мы – и точка.
Вот и советскую выросла дочка,
Будет и внук говорить «СССР»,
Только начнёт выговаривать «р»!
Пусть его примут потом в октябрюта,
Я ему велик куплю на зарплату
Или на пенсию – разницы нет,
Мы и на пенсию жили без бед.
Я задыхаюсь в стране без размаха,
Пусть разорву на груди я рубаху,
Пусть мне в Донецке прострелят мозги,
Мне в этой жизни не видно ни зги.
Пусть прослыву бузотёром и красным,
Но не хочу доживать я напрасно!
Да, мне нужны убежденья и цель,
Даже и сквозь автоматный прицел.
Брежнева перечитал «Возрожденье» —
Глупая книжка, но ясно стремленье
И переводится как «Ренессанс».
Может быть, это единственный шанс?
Переведут «перестройку», как «климакс» —
Изображать перестанут счастливых!
Сколько пройдёт перестроечных лет,
Чтобы мы поняли: радости нет?
Чтобы мы поняли: лучшее в прошлом,
А настоящее – глупо и пошло!
Чтобы мы поняли: счастье прошло,
Всё что вокруг – густопсовое зло!
Все эти Галкины и Пугачёвы,
Что мы готовы принять за основу.
Где ты, советский простой человек,
Где доживаешь двадцатый свой век?

Безвременник

Я столько написал стихов о времени —
Безвременник в лесу мне как плевков —
Цветок осенний маленький сиреневый,
А я поделаться ничего не мог!
И женщине нельзя чуть-чуть беременеть,
Осознавая тщетность бытия,
А я прожил, по сущности, в безвременье,
И виноват, конечно, в этом я!
И я упал в сиреневые листики
И плакал, и просил его простить,
Я не сторонник ханжества и мистики,
Но целовать готов был лепестки!
Безвременник! Вот слово настоящее,
Замена несложившейся судьбы,
И поколение оттого пропащее,
Что как в воронку угодили мы.
За что хватать? За эти стебли тонкие?
Срывать головки хрупкие цветов?
Но не такие все уже подонки мы,
И каждый хоть на что-нибудь готов.
Прости мне эту слабость мимолётную,
Прости, сиреневый, – встаю с колен,
Безвременность свою, как маму рОдную,
Я дальше понесу сквозь кровь и тлен.

Я пишу о России

Я пишу о России, пишу о России стихи!
Никогда б не поверил, что время такое настанет!
Познакомлюсь с мессией, что, может, отпустит грехи,
И откроет мне двери с большими литыми крестами.
Мы забыли и думать, что ты и на свете-то есть!
Ты откуда взялась, позабытая дивная сущность?
Не шептала: иду, мол, а брякнулась – сразу и здесь,
Позабытая власть, расчленённая зубрами в Пуще.
Мне не нужно свободы, ведь я её и не терял,
Мне не нужно любви, у меня её, правда, в избытке,
И я следом за модой не стану ломиться в астрал,
А потом утверждать, что готов и к страданию, и пытке.
Мы приходим в себя после глупых и сумрачных лет,
И смакуем губами забытое слово «Россия»,
Сладострастно любя после долгого-долгого «нет»,
Просто, может, мы раньше её ни о чём не спросили.

Я шёл всё время строго на восток

Я шёл всё время строго на восток,
Спидометр испортился в груди,
Но я поделаться ничего не мог —
Ещё пол-жизни было впереди.

Я бинтовал полотнами дорог
Босые от безденежья ступни,
Но кровь рябин забинтовать не мог,
Всю осень кровоточили они.

В конце пути я всё-таки прилёт.
Ну сколько можно, дайте отдохнуть!
Но я поделаться ничего не мог:
Уже пора идти в обратный путь.

И я дошёл бы может, видит Бог!
Принёс в кармане пригоршню монет,
Но я поделаться ничего не мог,
Из этого пути возврата нет.

Если прямо лететь

Если прямо идти, если прямо лететь —
Девяносто по курсу – ни влево, ни вправо!
И хотя бы во сне если плюнуть на смерть,
Если плюнуть на крики «позор!» или «браво!» —
То достигнешь страны, пусть не СССР,
А с названьем другим, только равным по сути,
И застынешь в строю, будто ты – пионер,
И готовился долго ты к этой минуте!
В этой самой стране жить не так уж легко,
Отгремела война и оставила шрамы,
И не меньше чем где-либо там дураков,
И ночами слезами заходится мама.
И убили отца, и разруха кругом,
По ночам воронки, как вороны над полем,
И воронки вокруг, ну а ты – босиком,
И осколки вонзаются в пятки пребольно.
Но достигнув её, этой самой страны,
Ты другую уже никогда не захочешь —
Это детство твоё и твои пацаны,
Ты готов им навстречу бежать, что есть мочи!

Июнь

Отшумели дожди, улетучились грозы весенние,
Наконец-то июнь стал похожим на лето сполна,
На полянках в лесу расплескалось девичье пение,
И висит, где положено, ночью большая луна.
Я иду босиком, а не в римских тяжёлых сандалиях,
И дорогу мою не мостили ещё кирпичом,
Я не знаю, что будет со мной и Россией далее,
Только нам на двоих с ней любая беда нипочём.
Холодит мои пятки июнь бесконечными лужами,
Только в каждой из них отразились и солнце, и синь,
Я от позднего лета немножечко злой и контуженный
И с тревогой смотрю, как листочки дрожат у осин.
Я иду босиком – по России иначе не следует,
И простыть я в июне нисколько уже не боюсь,
Мы с Россией вдвоём не такие, наверное, бедные,
Чтобы в наших глазах отразилась вселенская грусть.
Да и лужи просохнут, и с ними уйдут отражения,
Станет ясно тогда, что не сказка всё это, а быль,
Нам в июне всегда выпадают большие сражения,
И ступни обжигает опять придорожная пыль.

Русские буквы

*В интернете при попытке ввода пароля на
кириллице возникает предупреждение: «В поле содержатся русские
буквы».*

В поле содержатся русские буквы, —
Я прочитал и увидел во сне,
Что я в Освенциме, тощий от брюквы,
И в крематорий готовиться мне.
Где-то содержатся русские люди,
Лагерь зовется «Планета Земля»,
Есть среди них паханы, лизоблюды,
Но среди них ведь и ты есть, и я!
В небе находятся русские Боги,
Я это знаю, хоть сам не святой,
Знаю, что нас позовут из берлоги,
Бросят в какой-нибудь дьявольский бой.
И разнесётся с утра спозаранку,
Так, что земля содрогнётся в огне:
«В поле находятся русские танки!»
Я этим жив, это дорого мне.

Нам снова не хватает трубача

Нам снова не хватает трубача,
Что локоть выворачивал в изгибе.
Кто станет им? И чтоб не сгоряча,
Во имя жизни, а не на погибель?!
Россия – миф? Она сидит как кость,
И мы его всем в горло вколотили?
И все гадают, вместе или врозь:
Да были мы когда или не были?
Да, были мы! И мы еще придем,
Как приходили тыщу раз на смену,
Такую бучу снова завернём,
Куда Парису там с его Еленой!
Да, мы придём. Откуда? – спросят нас.
Каким планетным закоулком узким?
Не все ль равно, кто прикрывает вас
И почему он говорит по-русски!
А впрочем... мы не явимся, пока
Вы сами нас к себе не призовёте,
Пусть впереди спокойные века,
Как будто невесомость в самолете.
Но невесомость эта – только миг,
Вся остальная сущность – катастрофа,
И каждый на Земле давно постиг:
Здесь иногда невыносимо плохо...

Буржуйка

Когда-нибудь наступит лето,
Когда-нибудь наступит жизнь,
Сожгу сегодня томик Фета
Во избежанье новых тризн.
Вчера сожгли Святую книгу,
Но бабушке не помогло,
А я держу в кармане фигу,
Как будто всем смертям назло.
Ах, если б видел Афанасий,
Прервав свои святые сны,
Как людям стих его прекрасный
Помог добраться до весны.
На нём – божественная мета,
Тепло и искренность души,
И я сожгу последним Фета,
Чтобы огня не потушить.
Огня буржуйки ленинградской,
Блокадницы, такой как мы,
Сгорели в ней, как в печке адской,
Все наилучшие умы.
Любовь одна – источник света,
И, отогревшись у огня,
Я наизусть читаю Фета
И знаю, Фет простит меня.

Сент-Женевьев-де-Буа

Схороните меня в эмиграции
Не на Сент-Женевьев-де-Буа,
Где бы в гроздьях душистой акации
Утонула моя голова,
А в краю, где цепляет туманами
Небосвод за кремнистый забор,
Где с поэтами я полупьяными
Бесконечный веду разговор.
Край стоит тот забытый, брошенный,
Как рубцовский последний удел,
Там любое лицо перекошено,
Там любой человек не у дел!
Перекошена, перекорёжена
Там любая людская судьба.
Наплевать, что не будет ухожено
Там моё Женевьев-де-Буа.
Наплевать, что там нету акации,
Наплевать, что жестка там трава.
Я домой еду как в эмиграцию,
Я имею на это права!

Такие, брат, высоты!

В меня вколочено до рвоты
В пути от пешки до ферзя:
Сердца, да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!
Поэт-пророк, сказал, как срезал
Про дни психических атак,
Где стих дымящимся железом
Горит в обугленных руках!
Пусть враг мой окопался прочно
На том высоком берегу,
Я, как гранатой, словом точным
Его всегда достать смогу!
Я не могу не прекословить,
И помню: кто, если не я?
Пишу, угрюмо сдвинув брови:
И ненавижда, и любя.
Пусть называют мизантропом
Меня. Угрюмым чудачком,
Я партизан на горных тропах,
Вооружен одним стихом!
Сижусь и пялюсь в амбразуру,
Взамен которой монитор,
Решите вы, что это сдуру,
Мол, песне надобен простор.
Клавиатура – не гашетка,
Передо мной – не вражья рать,
Но я стучусь, как птица в клетке,
Чтобы в неволе не пропасть.
И пусть не знают, где ты, кто ты?
Такая у меня стезя:
Сердца – такие, брат, высоты,
Которые сдавать нельзя!

Я убегаю от любви

Я убегаю
от любви,
Как убегают
от запоев.
Но ты, любовь, меня
лови —
Мы по ночам еще
повоем!
Я напишу еще
стихи,
Раздам долги и пить
не стану,
И в церкви замолю
грехи.
И пусть меня опять
обманут...
Мне нужен культ любви
своей,
Как нужен культ Прекрасной
Дамы.
Ты масла лишь в огонь
подлей,
Так скажем — для завязки
драмы...

Когда встаёт Россия

Ракета тихо выпустила крылья,
Над Атлантидой – сумрачная тень,
Америка, страдая от бессилья,
Планету истязает ночь и день.

Народы жадно смотрят на Россию:
Спасет она, что делала не раз?
Придёт, иль нет обещанный мессия,
Раздастся ли громopodobный глас?

Карибский кризис – детские пелёнки,
На фоне водородного гриба.
Сегодня – проржавели все заслонки
Того американского столпа.

Но вы еще не знаете России,
Россия – ветер и Россия – боль,
Пусть верещат продажные витии,
Мы цену им извели с тобой!

«...И он, увидев меч, идущий в землю,
Трубил в трубу, предостерег народ»,
Труби, трубач, трубы я зову внемлю,
И знаю, в чей сей камень огород!

Пророки лжи и падшие святые!
Ломайте крылья, улетаю вспять,
И помните, когда встает Россия,
То лучше на дороге не стоять!

Крапива

Улыбаешься конному, пешему,
Открываешься лютым врагам,
Только знаешь, пошли-ка их к лешему,
Я тебя никому не отдам!
Здесь в округе тоска мухоморная,
И осталось – крапиву косить,
Но коса, словно девушка вздорная,
Перережет последнюю нить.
Жизнь моя до того несерьезная,
Что пришлось закусить удила,
То росла, как крапива бесхозная,
А теперь под косою легла.
Я в России не гость и не ряженный,
Может быть, никудышный поэт,
Но с крапивою рядышком ляжем мы,
Пусть сожжет, если выхода нет!
Пусть коса, будто смерть неминуемая —
Я её наточил о гранит,
Вряд ли ждет меня долюшка лучшая,
Даже если попробовать жить.
Будет петь мне свирель горемычная:
Плохи ваши с Россией дела!
Но на это отвечу привычно я,
Что крапива мне душу сожгла.

Листопад

Я не самый плохой человек,
Почему же на этой Земле
Я познал бытия скоротечность
И не смог удержаться в седле?
Время лечит старинные раны,
Только всё это не про меня,
Обмелели мои океаны,
Иллюзорной мечтою маня.
Листопад за окном сумасшедший,
Заставляет забыть про дела,
Как поведать мне лучшей из женщин,
Что рябина мне душу сожгла?
Как мне вылечить старую рану,
Как спастись от грядущей беды,
Никогда уже выше не стану,
Не достану для милой звезды!
Я пинаю опавшие листья,
Что засыпали мой городок,
Не осталось, мне кажется, мыслей,
Передумать которых не смог.
Покраснело кругом, пожелтело,
Полыхает, подобно костру,
Листопад маскирует умело
Под осеннюю сказку хандру.
В этой сказке – какая отрада?
Разве только рябина в огне,
Отчего же в пыли листопада
Чей-то образ мерещится мне?

Я не имею права на любовь

Я не имею права на любовь,
Хочу любить, признаюсь вам, безумно,
Но с ринга уведён: разбита бровь,
А, может, вёл себя я слишком шумно.
Боец любви, да что боец – кумир,
Я брошен жизнью нынче на канаты.
А без любви – кому он нужен, мир,
И все его восходы и закаты.
Пишу стихи – дороги лучше нет
Под пулю, в петлю или на Голгофу,
А мне и так последних сорок лет
Кукушка куковала катастрофу.
Приговорен тянуть тяжелый воз,
Где лишь стихи – последние пожитки,
Но столько в них любовных тяжких слез,
Что я тащусь со скоростью улитки.
Лошадка очень плохо тянет воз,
А в нем полно кому-то нужных бредней,
Я, может, оттого его и вёз,
Считая каждую версту последней.
Когда же за незримую черту
Я завезу любовную поклажу —
Как бабу с возу привяжу к хвосту,
И напоследок по спине поглажу.

Полынь сорок первого года

Полынь сорок первого года!
Упавшая с неба звезда
Пророчила людям невзгоды
Казалось, уже навсегда.
Убили нас, многих убили,
А выжившим и невдомёк,
Что мы за звездой уходили,
Как за горизонт на восток.
Исход этот скорбный, полынный,
Запомнится людям навек,
Нет-нет, да впадает в унынье
В июне у нас человек.
Полынь сорок первого года!
Сожженные танки кругом,
Остатки бывшего народа
Бредут по пыли босиком...
И как они нас не добились?
Я сам до сих пор не пойму,
Решалась судьба: или-или,
И виделась словно в дыму.
Полынь сорок первого года!
Конечно, была и сирень,
Но только в душе непогода
Жива и по нынешний день.
Сирень сорок пятого года!
Сквозь слёзы я произношу,
Понятия разного рода —
Скажи своему малышу!
Сирень и полынь – не соседки,
Простите меня, коли что,
Но в каждой сиреневой ветке
Полыневый запах густой.

Вы терпенья займите у русских

*«В полный рост – это очень
по-русски»
Веник Каменский*

В полный рост поднимались в атаку,
В полный рост уходили в запой,
Не вмещались внутри автозака,
Пробивая борта головой.
В полный рост, хоть салага не рослый,
Метр с кепкой – про нас говорят,
Салютуя, поставили вёсла,
И запели про крейсер «Варяг».
В полный рост, это Саша Матросов,
И Гагарина Юры «Восток»,
Не осталось, наверно, вопросов,
Как же этак он вырасти смог!
В полный рост, это Чёрная речка,
И заснеженная Колыма,
Ну а если хотите и вечность,
Пусть и ядерная там зима!
Вы терпенья займите у русских
И гоните и в гриву, и в хвост,
Но в винтовочных рамочках узких
Снова встанут они в полный рост!

Советское – значит отличное!

Я вспомнил сейчас неприличное,
Но сердце слегка защемило:
«Советское – значит отличное!»
А знаете, мне это мило!
Избалованные отечеством,
Ему же и неблагодарны:
Позарились мы на неметчину,
Как будто бы сами бездарны.
Советское – значит отличное! —
Пройдя сквозь мильон заблуждений,
Как нечто отчаянно личное,
Воспримет наш сумрачный гений!

Где ты – курица хромая?

Где ты – курица хромая, колбаса, петух косой²?

Мы живём без Первомай, без страны своей большой.
Почему в старинном стиле не стучите в барабан?
Почему разъединили пролетариев всех стран?
Почему мы не выходим всей семьёю на парад,
И не слышно тех мелодий, был которым раньше рад?
Где ты галстук пионерский, что повязан был с душой,
Почему вокруг так мерзко, будто праздник и не твой?
Не твоя вокруг Россия, не твоя вокруг Москва,
Почему же не спросили, отобрав твои права?
Где права на солидарность, где права на мир, на труд?
Кто решил, что это даром нам придут и отдадут?
Я не против триколора в первомайский день с утра,
Но тянусь за корвалолом – принимать его пора.

² Первое мая, курица хромая, а петух косоподавился колбасой – детская считалочка

У памятника утонувшим лошадям

Тысяча коней погибла в море
И четыре тысячи подков,
На какое счастье или горе
Написал я тысячу стихов?
Мне одной подковы бы хватило,
И строки, наверное, одной,
Где сумел бы я поведать милой
Про свою безмерную любовь.
Нет. Пишу стихи как заведённый,
И хочу коней перековать,
Как Семён Михайлович Будённый
Конную я собираю рать
Не для золотого миллиарда
Тех, кто хочет выжить на Земле,
Даже не для тех придворных бардов,
Что бывают приняты в Кремле.
Эти кони – для подводной мины,
Что пробил днище кораблю,
Их поглотит тёмная пучина,
Только я не меньше их люблю!
Я люблю их гривы и копыта,
И большие грустные глаза,
Я хочу быть как они убиты,
Чтобы в море капнула слеза.
Я люблю их трепетные ноздри,
И предсмертный лошадиный храп,
Я вдыхаю смерти запах острый,
Будто ждущий избавленья раб.
Так же вот тонула тыща зеков —
«Индибирка» звался пароход,
Даже не прошло ещё и века,
А народ его забыть готов.
Каждый зек – моё стихотворенье —
Открывает жадно в трюме рот,
И приносит зекам избавленье
Станковый на баке пулемёт.
Лошадей пристреливают тоже,
Но не в океане, это факт,
Никому живым тонуть не гоже,
Ни поэтам и не их стихам.
Только миллиарду золотому
Отправляя пламенный привет,
Я как лошадь, утону бессловно,
И бесславно, как любой поэт.

Устал ли я быть русским человеком?

Устал ли я быть русским человеком?
Скажу вам честно, тяжесть – та ещё!
Две мировых войны в течение века
И третья смотрит мне через плечо.
Быть русским хорошо на День победы,
А в сорок первом – нету дураков,
И кто тернистый русский путь изведаль,
До смерти трёт отёки от оков.
Мы не забыли про пожар московский,
Эвакуацию и баррикадный бой,
И как людей без воинской сноровки
Полками отправляли на убой.
Но каждый скажет: плюйте и убейте,
Я устоял – попробуйте и вы!
Быть русским – это в ожидание смерти
Когда себе накладываешь швы.

Конвергенция

Мы люди на развилке – конвергенты,
Направо и налево нам нельзя.
В одном флаконе мы одновременно,
У нас такая средняя стезя.
Оставили капитализм проклятый
И прокляли уже социализм.
Уходит вдаль куда-то сорок пятый,
У всех опять вегетативный криз.
Ругаем мы и бедных, и богатых,
Экстраполируем куда-то меж.
Застряли в синусоидах горбатых,
В прогнозах шарлатанов и невежд.
С тоской гляжу на дедовскую шашку
И на отцовский старенький «ТТ».
Эх, дал бы кто-нибудь сейчас отмашку,
Но да куда там – времена не те!
Хоть самому придумывай доктрину,
Как посередке будем выползать.
И жалко, что я коммунизм отринул,
И жалко, что капитализм – под зад!
Я – конвергент! И где-то здесь начало,
А слово можно после подобрать,
Как Марсельеза чтобы зазвучало
И подняло загинувшую рать.
Я конвергент, я фрейдовская сшибка,
Я избежал истории краёв,
Зато уже не сделаю ошибки,
Не закричу как бешеный: даешь!
Мы дали так, что покраснели дали,
И до сих пор весь мир ещё дрожит.
И мы ещё несколько не устали
Закладывать лихие виражи.
Не в глаз какой-то нужно бить, а между,
Не сваливаясь ни в какой уклон,
По лезвию ножа пройдем мы нежно,
Как через Альпы ганнибалов слон.
И пусть со всех сторон на нас глазеют,
Мы ускользнём в игольное ушко,
Не стала б только наша Мангазея
Страною конвергентных дураков.

Я – конвой!

Все в экран! Вы видите конвой?
Видите, Нью-Йорк, Париж и Лондон?
Да, иду я как к себе домой
И своим предназначеньем гордый!
Пусть меня покинул Красный крест,
Я пройду под пулями и «Градом»,
Пусть один на тыщу миль окрест
Вражью прорываю я блокаду!
Хоть гуманитарный я конвой,
Но недооценивать не нужно,
Я иду и я пока живой,
Хоть вокруг и бряцают оружием.
Ведь про голод что-то знаю я,
Прорывали мы не раз блокаду!
Как же на границе устоять,
Если мы потомки Ленинграда!
Слышу, как в Донецке просят пить
Раненые – взрослые и дети,
Я – конвой, и я для них, как нить,
Между жизнью и голодной смертью!
Хмурые водители мои
Всякое на свете повидали,
И, поверьте, крутятся рули
Не за ордена или медали!
Я – конвой! Я белый, словно снег,
Самый чистый в мире снег России!
Ведь живёт на свете человек,
Чтобы дети воду не просили...

Все поэты гибли из-за женщин

Все поэты гибли из-за женщин,
Маяковский – из-за Лили Брик,
Пушкин тоже пострадал не меньше
От придворных жениных интриг.
Только не спросили вы при этом,
Захотел бы он судьбы иной?
Женщине дано убить поэта,
Оставаясь милой и родной.
«Милый друг» есенинский – кто это?
Айсейдора, может быть, Дункан?
Кто еще мог погубить поэта
Не расскажет медный истукан!
И апофеозом всех историй —
Николай Михайлович Рубцов,
До сих пор не выплакано горе
Незарубцевавшихся стихов.
Женщины ни в чём не виноваты —
Испытав любви блаженный миг,
Лопаемся, как аэростаты,
В разряжённой атмосфере их.
И моя жена – ничуть не лучше,
И погибну я из-за неё.
Интересно, долго будет мучить
Сердце неразумное моё?
Я стихи пишу про мирозданье,
А она включает пылесос!
И за что такое наказание,
Кто ответит на простой вопрос?
Я пишу про небо и про море,
А она на пробу суп несёт,
И в миллионе горестных историй
Лишь моей одной недостаёт!

Лохи

Дела наши плохи – и лошади в цирке судачат,
По жизни мы лохи, всучат нам билеты на сдачу.
Они на манеже в сиянье софитов и рампы,
А мы так всё те же: билеты храним, как эстампы.
А то, что терпилы – то каждой собаке известно,
Её бы на мыло, она же нас месит, как тесто.
Пусть мы журналюги, никто нас давно не боится,
Сегодня ворюги – гораздо солиднее лица.
И даже хохлы нас уже за людей не считают,
Любая скотина сбивается в волчью стаю.
ИГИЛ³ оборзел, и афган нам корячится в мае,
Его на козе не объедешь – коза-то хромая!
А папою Карло у нас президент, как бы вроде,
Сморкаемся в марлю, как будто в билет от Мавроди.
Еще Карабас есть, он чёрный и за океаном,
Большая опасность сегодня в России быть пьяным.
А раньше гудели – гудела старушка планета!
Чуть было до Дели пешком не добрались при этом.

³ организация запрещена в РФ

Культурная революция

Я не зову народ на баррикады,
Да всё и так уже произошло:
И вместо революции в награду
У нас в России ясно и светло.
Культурно революция проходит,
Без пены, матросни и без стрельбы,
Но так же уплывут на пароходе
На Запад философские гробы.
В семнадцатом кровищи было много —
Хватило на столетие вперёд!
И может, отмолил слезами Бога
Аванс у революции народ.
Но я хожу по улицам в бушлате,
И клёшами мету седой Арбат,
И для меня опять все люди братья,
Хотя уже никто не виноват.
Не поташу я адмирала к стенке,
И не затею новую войну,
Но знаю я, что тихо и без пены
Увижу скоро новую страну!
Мы революции не прекращали,
Её в России прекратить нельзя,
Немного перегнули мы вначале,
Но не кровавая её стезя.
Мы не хотим общественного строя
В Россию принесенного извне,
У нас свои извечные герои,
Которые погибли на войне.
Мы против виртуальных резерваций,
Куда определил нас белый свет,
Мы против непродуманных новаций,
Которых и в природе нашей нет.
Не для того мы выгнали буржуев,
Чтоб снова их на шею посадить,
Мы долго гнали эту мысль,меньжучась,
Что перережем жизненную нить.
Я никогда не захочу богатых,
Да потому, что из России я —
Не продаётся, то что было свято,
Не продаётся Родина моя!

Расстрел

Безумье поэтических рассветов,
И слово идиотское: расстрел.
В двадцатом веке не было поэта,
Который не сидел и не седел.
Но почему и в двадцать первом веке,
Не утихает предрасстрельный плач?
Не потому ль, что в каждом человеке
Живут две сути – жертва и палач?
Зачем Есенин бегал с пистолетом,
Подвесив жизнь на тоненькую нить?
И Маяковский мог себя при этом
Как будто ненароком пристрелить!
И Гумилёв бездумно напрозорчил
Себе про щель, обвитую плющом,
Сбывается и то, чего не хочешь,
Доказывай потом, что ни при чём!
И сам расстрел. Сирень склонила ветки,
Жизнь понесётся новым чередом,
И будет выстрел радостный и меткий
И снова мы кого-нибудь убьём!
Расстрельная статья, крутая мера,
Кого бы расстрелять, скажите мне,
Чтоб прекратили убивать за веру
В горячечном бреде или огне?
Чтоб прекратили практику расстрелов
Как вида внутривидовой борьбы,
Предстанет, может, в новом свете дело,
Когда не хватит пули для судьбы!
Чтоб прекратили убивать поэтов,
Ну неужели не услышит век?
А вдруг с собою унесёт ответы
Расстрелянный поспешно человек?
...А вот уже меня ведут к расстрелу
В знакомый под черёмухой овраг,
И расстреляют за поступок смелый
А может быть и вовсе просто так!

Меня готовили для очень важных дел

Я был простой советский пионер.
Да, у меня был галстук пионерский!
И скаутам английским не в пример
Я не замечен был в каких-то зверствах.
Ходил я строем и под барабан
И в горн дудел надсадно со слюнями,
Хотел, чтоб пролетарии всех стран
Объединились и дружили с нами.
Ещё мечтал пойти я на войну,
И воевать потом на самолёте,
Погибнуть чтоб во вражеском плену,
А лучше – на большом красивом доте!
Я и сейчас горжусь немало тем,
Что был воспитан юным патриотом,
И пионерский галстук – как тотем
Для всех для нас, признаемся, чего там!
Мне было пять, когда я песню пел
Про первые задорные отряды,
Меня готовили для очень важных дел,
И я уверен, так и было надо!

Наваждение

Я падаю, падаю, падаю, падаю, падаю...
Ещё пару раз упаду и, глядишь, научусь,
Соломки себе подстелю, может, где-нибудь в Падуе,
А то все бока изломала любимая Русь.
И сердце пузырится грыжей футбольного мячика,
И с матом ему неохота вступать в резонанс,
Стараюсь удары смягчать непременно и всячески,
Но с каждым падением встать уменьшается шанс.
Не то что взлететь – это даже и не обсуждается,
Дай Бог, чтоб не насмерть и было куда отползти,
Упавшая чтобы ещё озарила звезда лицо
И перекрестились обоих упавших пути.
Упасть и не встать – поговорка совсем не напрасная,
За что нам падений и взлётов такая напасть,
И оттого-то, наверно, так падаю страстно я,
Что больше всего мы на свете боимся упасть.
Паденье и взлёт, а за взлётом, глядишь, и падение,
И снова как трассеры звезды летят в небеса,
И падают снова, и кажется жизнь наваждением
Тогда, как до взлёта осталось всего полчаса.

Последние стихи

Приходит мой финал и я его узнал.
Но не бросает в жар и не бросает в холод,
Я перед ним не стар, скорее, даже молод,
Пусть невелик талант или ничтожно мал!
И пусть в годах других немного пережил,
Уйду я молодым, как Лермонтов и Пушкин,
Но вы стихам моим не подвернёте ушки,
Ведь только из-за них я выбился из сил!
Копилку невзначай я разобью о пол,
Я долго не писал, копил, наверно, мысли,
Зато мои стихи от старости не скисли,
И каждый стих живой, пусть грустен или зол!
Тяну одним крылом и стрелка на нуле,
До прозы не дошел, как до аэродрома,
Но кто решит, что мне отказано от дома,
И что, как сирота, прожил я на Земле?
Последние стихи – они всегда горьки,
Подводится черта, подводятся итоги,
Еще один поэт протягивает ноги,
Ругать его теперь как будто не с руки!
А если скажут мне: писать-то прекращай!
Но только никогда я не пойду на сделку,
Нырять, где глубоко, а вынырну – где мелко?
Пусть даже если жизнь предложат невзначай!

Девушка с веслом

Девушка не может быть с веслом,
Ей коней ловить, тушить пожары,
Ежели совсем не повезло —
Умереть ещё совсем не старой!
На худой конец, в руках ведро,
И желательно, чтоб не пустое!
И, конечно, мощное бедро,
Никогда не знавшее простоя:
Потому что штамповать солдат
Нужно безустанно для России!
На плече огромный автомат,
А зачем – её и не спросили.
На боку ещё противогаз,
Хоть не на лице – и слава богу!
И в другую сторону приказ
Отдан, и уже пора в дорогу!
Ну а тут весло и тонкий стан,
Грудь, купальник и – о боже! – шапка.
Что-то пролетариев всех стран
Не напоминает эта лапка!
Где же цепи и булыжник где?
Штангенциркуль где и готовальня,
Что помогут в умственном труде?
Где же молот, серп и наковальня?
Основателям идеи всей
Тем веслом как будто бы по роже!
Девушек лепить во всей красе
Может, нужно было осторожней?
Лучше в безразмерных прохорях,
Ватных брюках и железных касках?
Так разбила всю идею в прах
Физкультурница из нашей сказки.

Забытая страна

Россия идёт! Не закончился русский поход.
Великий поход незабвенных блистательных армий.
И к окнам прильнул позабывший о славе народ,
Военным теперь не откажешь в изысканном шарме.
Идут батальоны, бригады безбашенных раш,
«Арматы» идут, где действительно в
башне безлюдно,
У танков российских такой производственный стаж,
Что им и без башен дойти до Ла-Манша нетрудно.
И топот такой, что из нор вылетают сурки,
И суслики в стойку, и белки срываются с веток,
Но вы привыкайте, идут по планете полки
Забывшей страны, о которой учили вы деток.
Мы сами забыли, что дети великой страны,
Но встали стеной, повинувась секретному коду,
Россия спокойно глядит из-за нашей спины,
Спокойствия этого не было долгие годы.

Россия за нами!

Вы знаете, немцы, Россия – идея,
Как, впрочем, Европа – сейчас не о ней,
Сшибаются танки – который сильнее?
И кто из танкистов какого мертвей?
Россия – как страшная белая буря,
И против неё тяжело устоять,
И тут уж зависит от собственной дури:
Ты «за» или «против» пойдешь воевать.
Но кто вам мешает любить этот ветер
И стать его частью, в конце-то концов?
Примеров подобных немало на свете,
В России есть люди из разных углов.
И чьей ты там крови, неважно, наверно,
Мы родом из общих каких-то пещер,
Но ежели русским ты стал правоверным,
Не нужно тебе никаких уже вер.
Да: снежная лёгкость чудовищных танков,
Тяжелая поступь прошедших веков,
Пусть кто-то не верит в Россию – не жалко,
Пусть даже твердит про страну дураков.
Я думаю, можно прожить без идеи,
Наверное, есть такой спящий подвид,
Но этого вида никто не жалеет,
Когда даже он из-под танка вопит.
Признайтесь себе, ведь любовь – с кулаками,
Куда ей без ярости и без огня!
Скажу по-простому: Россия – за нами,
Её никому не забрать у меня!

А снегири не прилетели почему-то

А снегири не прилетели почему-то.
Я у кормушки их напрасно жду с утра,
Быть может, снова началась какая смута,
Опять большая и кровавая игра?
У нас в России так, признаемся, бывает:
Не прилетят к тебе на завтрак снегири,
А ты стоишь как одинокий белый аист,
Дрожа под всполохами утренней зари.
Скажите, братцы-снегири, а что случилось?
Уж не свирепый ли мороз нагрянул в лес?
И сколько ждать ещё, поведайте на милость,
Хотя дождаться вас мне нужно позарез.
Я должен знать, что со страной всё в порядке,
И не случились в ней ни смута, ни война,
Чтоб после снова в бесконечном быть упадке,
Не понимая до конца: а чья вина?
А чья вина, что родились мы все в России —
И ты, и я, и шалопаи-снегири,
Я буду ждать их до пришествия мессии,
Мне это нужно почему-то, хоть умри!

Булыжник

*Лежит в могилке пролетарий,
над ним булыжник водружён.
Всё гармонично в этой паре —
покойник вновь вооружён!
Евгений Клюзов*

Я двадцатого века разбойник-рабочий, приветик!
А по Марксу меня пролетарием можете звать.
Изо всех мостовых я булыжники вынул на свете
И за это попал, как и было предписано, в ад.
Мне что ад, что тюрьма – те же цепи и та же обуза,
Рая мне не видать, как и призрачный ваш коммунизм,
Мне не нужно кормить за отсутствием личное пузо,
Я не жил наверху, мне не страшен поэтому низ.
И меня выгоняют пусть каждую зиму из дома —
Пролетариям ведь не положен ни дом, ни барак!
На бетонном полу не стелите мне на ночь соломы,
На соломе сумеет проспаться и каждый дурак.
Мне фабричный гудок будто залп ежедневный «Авроры»,
Только дайте булыжник я выверну из мостовой!
И, пожалуйста, спойте мне «Вихри враждебные» хором,
Даже если ваш хор превращается в дьявольский вой.
Я тащу пулемёт по заветренному Петрограду,
Я кровавое знамя накинул на жёлтый Китай,
В двадцать первом столетии этому будут не рады,
Но петух кукарекнул, а дальше хоть не рассветай!

Рада

В Перми какой-то нынче год тяжёлый —
Заклятому врагу не пожелать.
Как тридцать бед слетелись к дому совы,
И нету рифмы кроме слова «бл@дь».
А тут возьми ещё собака сдохни,
Сидевшая на танковом тросу,
Теперь не скажешь: есть на свете Бог, нет,
Хлебая водку, как с травы росу.
Да сдохла с горя – вот ведь в чём унынье!
Щенки ушли – четыре из пяти, —
Ко всем напастям садануло ныне
Под сорок восемь, мать его ети...
Последнего кормили из перчатки,
Где пальцев, погляди: как раз на всех!
Бежать бы из деревни без оглядки,
Где не осталось никаких утех.
Про беды говорить – и смысла нету,
У нас Россия – общая беда,
Послал бы на х@й эту всю планету,
Но тут бывает счастье иногда.
Бутылка водки с другом и без друга,
У внучки пять за школьные дела,
И то ли разговоры, то ли ругань
С женой, что иногда с утра не зла.
Россия-сука, ты бы хоть не сдохла
От горя, потеряв своих щенков,
Твою могилку не покрасят охрой,
И не положат по зиме цветков.
Сидела ты на танковой привязке
И в дом тебя никто не запустил,
Рожала больше, чем бы нужно в сказке,
И оттого не рассчитала сил.

Нас отскребли от сталинградских стен

Нас отскребли от сталинградских стен,
От прохоровских танков отскоблили,
Вы что решили получить взамен?
Какое вы хотите или-или?
Мы выпустим на волю дух войны,
Дух мести, дух такой свирепой боли, —
Не искупили до конца вины
Мы перед теми, кто погиб за волю!
Вы, может быть, представите сперва,
Как будто бы во сне потустороннем:
Со дна противотанкового рва
К вам лезут мертвецы в одном исподнем!
Идите с миром, не будите зла,
Мы пережили слишком много горя,
На головы двуглавого орла
Пришлось намного больше двух историй!

Спасибо, рябина!

Заглянула рябина в окошко моё ненароком,
Я устало поднял на неё замороченный взгляд:
Я раздавлен как птица своим несговорчивым роком
И совсем не люблю, когда в окна чужие глядят.
Но рябина была непосредственна и добродушна
И тянула мне ягод оранжевых спелую гроздь,
И казалась в своём многоцветье настолько радушна,
Что собой заменила букет из пылающих роз.
Ах, спасибо, рябина, одна ты меня понимаешь,
И одна мне способна в глаза без упрёка смотреть,
Помню, как любовался твоими цветочками в мае,
Только это сравнится с тобою сегодня на треть!
Только счастлива ты отчего – никому не расскажешь,
Ведь секреты от счастья как будто ключи берегут,
Пусть душевную тайну тебе я поведаю даже,
Ты останешься где-то совсем на другом берегу!
Но спасибо, рябина, хотя бы за это участие
И за ягоды тоже, и яркий красивый наряд,
Если нам из двоих одному только выпало счастье,
Несказанно я этому буду, наверное, рад!

Как неслышно бредёт революция

*Я на всякий случай в руку
Взял осколок кирпича
И ответил: «Я не сука,
Я орлёнок Ильича!»
/перестроечный фольклор/*

Как неслышно бредёт революция!
Как смеялись мы звонко над ней
В перестройку и оттепель куцую —
В помраченье загадочных дней!
Заплевали «Аврору», загадили,
Ровно как Лукича теремок,
Только счастья народного ради ли
Или новых каких перемог?
Революция движет к столетию,
Не услышим, забудем, проспим,
Не случится, надеемся, третяя,
Чай, не Франция – это всё им!
Нам не нужно уже реставрации,
И республик не нужно считать,
Это только во взбалмошной Франции
Их по счёту, наверное, пять.
Мы и Римы считали и охали:
Третий был, да, как водится, сплыл,
А в четвёртый с одними винтохами
Не полезешь – закончился пыл!
Коммунизм объявили, а толку что,
Перестроились в капитализм,
У России история долгая,
Неужели опять катаклизм?
Неужели, опять революция —
Вечность целую мы без неё,
Век, как мы выносили на блюде ей
Пролетарское сердце своё.

Уроки перемен

И.А.Платоновой

Уроки звонких перемен
С тобой мы выучили в школе.
И слышатся теперь взамен
Звонки, знакомые до боли.
Пусть в рекреации содом,
Учителям совсем нет ходу,
Мы на уроках отдохнём,
Мечтая выйти на свободу!
Теперь – Гоморра! Берегись!
На голове вся школа ходит,
И вспоминаем мы всю жизнь
Как плыли в этом пароходе.
Нас накрывал девятый вал,
А то бывало и похуже,
Директор объявлял аврал,
Тогда – спасите наши души!
И мы ходили, как зека,
По кругу и держась за руки,
С повязками два дурака
Стояли в центре для науки.
Перевоспитывали так
Не нас – а тех, что были в центре,
Ответственность вам не пустяк
В педагогическом моменте!
Ах вы, уроки перемен!
В лучах осели тучи пыли,
Нас отскребли от школьных стен,
Но стены так и не отмыли.

Плохие стихи

Плохие стихи – это просто плохие любовники,
Болтают, когда, по-хорошему, нужно молчать.
И все лейтенантами лезут до срока в полковники
И жизни теряют бессмысленно и сгоряча.
Отсюда плохие стихи – как плохие военные:
Стратегии нет, да и в тактике – полный провал!
Победы у них объясняются только изменами,
И каждый как будто бы знамени не целовал.
Вдобавок стихи эти – словно негодные медики,
Диагноз поставят такой, хоть ложись-помирай!
А в церковь пойдешь – там священник
плюгавый и седенький
Тебе помогает отправиться в ад, или рай.
Как будто стихи – это просто такая религия,
Где черти и ангелы крутят один хоровод,
Играют поэты в футбол между разными лигами
И там, где положено бить, там идут на обвод!
Выходит, игра – это тоже такая поэзия:
Ни ритма, ни смысла, ну, словом, одна толкотня!
Футбол же иной, по которому плачу и грежу я,
Как рифма удачная не посещает меня.

Океанский проспект

Океанский проспект. Ты остался красивою сказкой,
Как и Владивосток, где за партой я мучился год,
В восемнадцать зима, как и осень с весною прекрасна,
В общем, как и застой и забитый советский народ.
В диетической ед, и волшебнее не было места,
И общага чудесна, где душ с туалетом на всех,
Мы попали в замес из какого-то вкусного теста,
И остался тот год как пирог в первозданной красе.
Океанский проспект, как Артек, где бывал я однажды,
Их немного – тех мест, о которых ты гредишь опять,
Будто в горло сожжённое долгой мучительной жаждой
Чудотворные капли – их две или, может быть, пять.
В общем, наперечёт, как чудес, что остались на свете,
Как висячих садов, колоссально больших маяков
Или библиотек, тоже самых больших на планете,
Что, конечно, сожгли толпы глупых и злых чудаков.
Вот и сказку мою так же тупо и зло погубили,
Только я не сержусь, я и сам так, признаться, хотел,
Чудеса на Земле разделяют квадратные мили
Для того, чтобы мы ощутили себя в пустоте.

Последний привал

*Деревянный трактир по дороге к мечте
Михаил Zubov*

Деревенский сортир по дороге к мечте,
На дощатой двери в виде сердца – окно,
Там – звезда одиноко парит в высоте,
В глубине же парит групповое г@вно.
Только я засиделся. Вокруг – никого,
За стеной виртуальной пустует очко,
Так мечта оставляет тебя одного,
Да и мало того – погибает рачком.
Здесь никто не стесняется плакать и выть,
Здесь последний привал по дороге к мечте,
И однажды внизу, в ледяной пустоте,
Отпечаток души я решил утопить.
Дверь скрипит – ты за стенкою встала во фронт,
И с тобою готов я впечататься в грунт...
А потом в Стихи.ру колосками взойдёт
Золотое г@вно, то что Мишка наср@т!

Деревенский поэт

Тихо спит постылая деревня,
Спит коза, а рядом с нею кот,
Гастарбайтер на старухе древней
Отработал койку, обормот.
Дремлет мент соседский после суток,
Никого, конечно, не словив,
Сон его поныне очень чуток,
Слышит, как скрипит презерватив.
В калотоннах конского навоза
Тонет муза – это всё Пегас,
Сбросил он ее, как бабу с воза,
За конягой этим глаз да глаз!
Тяжко деревенскому поэту,
На заду его большой мозоль,
Песенка его наверно спета,
Но зачем на рану сыпать соль?
Он умом, быть может, не Предтеча,
И, наверно, не Христос на вид,
Но стихами душу зверю лечит
И по-деревенски башковит.
Он увидел, как луна садится
Прямо на нос воющему псу,
Будто бы Пегаса ягодица
Разместилась на его носу.
Тут, конечно, и не так завоешь
В ожиданьи свежих калатонн,
Но в Пегасе шевельнулась совесть,
Улетел и опустился сон...

Читая: <http://www.stihi.ru/2015/02/16/7519>

Я несусь ни кругло, ни квадратно

Я не кругло, ребята, несусь!
Евгений Клюзов

Я несусь ни кругло, ни квадратно,
И с логистикой проблемы есть,
Но зато, признаюсь, аккуратно,
И поэтому стихов не счесть.
Издавать их никогда не стану,
Потому и деньги не нужны,
Садану сегодня полстакана
За здоровье большой страны.
Закаленный я татарским игом,
Пережил естественный отбор,
И стихи как некую интригу
Перекопипастил на забор.
Понимаю, нету виноватых,
Но безвинных тоже, знаю, нет,
В подворотне Старого Арбата
Комиссарам напишу привет.
Побоку мою политкорректность,
Толерантность тоже ни к чему,
Я вхожу в одну и ту же реку,
Будто бы в Бутырскую тюрьму.
Но страничку я с хозяйской сметкой
Как НЗ последний берегу,
И стихи кровавою пипеткой
Где-то оставляю на снегу.
Тут размажут запросто рейсшиной,
Если ты рейсфедер потерял,
В Новый год сажу я с постной миной
И на мир взираю сквозь бокал.

Разговор с поэтом о сущности естества

*Кочегаром, однако, я был.
Посмотри мой «Стакан», между прочим.
И умею держать в печке пыл,
Как-то, ты не туда поднастроил.
Ну, а домик мой хоть неказист,
Но над крышей звезда серебрится.
Пусть живёт где-то рядышком глист,
Всё от Бога. Вот жизнь и плодится.
Так что, Москву покидая опять,
Буду забор молотком я дубасить.
Буду кого-нибудь я вспоминать.
Только не Петю, и точно, не Васю.
Евгений Клюзов*

Кем ты только не был, Женя,
Кочегаром, санитаром,
В основном, в воображеньи,
И по большей части даром.
Я тебя не осуждаю,
Коли звёзды серебрятся,
Ты певец родного края,
Попадешь при жизни в святцы.
Со «Стаканом» в белой руке,
Рядом будут Пети, Васи,
Все от зависти трясутся,
Ну куда же им податься!

Валерий Давыдов

Я перешел на ямб и что с того?

*Верлибр любил я.
Молодость прошла
Евгений Клюзов*

Я перешел на ямб и что с того?
Верлибр любил я, старость наступила,
Уже и неохота ничего —
Поэзия, как женщина постыла!
Стихи и страхи взвешиваю я,
Но страхи гуще, а стихи всё жиже,
Фемида застрелилась из ружья —
Никто не хочет издавать мне книжек.
Я сам свою судьбу беру за хвост,
И, встав с яиц и отряхнув скорлупки,
Под Петроградом развожу я мост,
Хотя под старость кости стали хрупки.
Хочу балет увидеть на «Вестях»,
ГКЧП стране своей пророчу,
Виной всему – хвороба на костях,
А лаборант мочу принять не хочет.
И пена изо рта ну что ни день,
Цветные сны – прелюдия психушки,
А этот ямб такая ж дребедень,
Как всё у этой музыки-потаскушки.
Я плесенью хочу убить микроб,
А вместе с ним и третий рим прихлопнуть,
Пущай растёт на улицах укроп,
Сплошной укроп – до горизонта копны!
Кого еще бы сухой обозвать?
А как иначе – всё внутри сгорело,
И стала бесполезною кровать,
Лишь бездыханное лелеет тело.
Анапест есть ещё! А если вдруг...
Конечно, сложно, а кому же легче?
Фемида встала, бросила мне круг,
Предупредила, чтоб держал крепче...

Юзом

*Когда не получаются стихи,
(а может, это жизнь не получилась?)
Начнёшь искать причину, может, в хи-
Романтии из линий не сложилось?
«Петушиное», Евгений Клюзов.*

Какие Хи, какая Же, какое Ку?
Сложилась жизнь, волшебная, как сказка.
В ней каждую чудесную строку
Читатель ловит с нежностью и лаской.
Какие слезы и какое Эт?
Летят стихи своим обычным юзом,
А среди них живет простой поэт,
Хороший, добрый парень Женя Клюзов.

Давай, покурим перед стартом!

<http://www.stihi.ru/2014/12/07/3563>

Горит твой разум иступлённый,
Иступлен меч о мир тупой,
Ты вопрошаешь, удивленный:
Как поимели нас с тобой?
Бездарно, тупо, бестолково —
Лишь только пар пошёл из дюз,
Эх, знал бы предок твой суровый
Приехавший в Москву француз!
Избыточность системы, право,
Системный кризис налицо,
Мы слева повернем направо
И шлифанём заподлицо!
Давай, покурим перед стартом,
Месье, или же как там – сэр?
И снова примемся с азартом,
Разваливать СССР!
Поэты – те же космонавты,
Они вздымают пыль планет,
Пусть утверждают, что не прав ты,
И что уже сошёл на нет,
Но ты еще запалишь дюзы —
И пороху еще не счесть,
И всем тогда докажет Ключов,
Что на Руси поэты есть!
Слегка ты отрихтуешь лиру
И как задвинешь по газам!
В глаза иступленному миру
Придёт прозрения слеза!

Не Д, Артаньян и слава Богу!

Стерилизованный чуть-чуть

Евгений Клюзов

Кастрирован совсем немного,
Не потеряв при том . . .лицо,
Уже не верит Женя в Бога,
Хотя не стал и подлецом.
В Европу ехать он не будет,
Да и признаться, денег нет,
Французы, впрочем, тоже люди,
Хотя придумали минет.
Он их потомок. Клюз – где якорь,
Или канал, какой ни есть,
Но предок женин был не пахарь,
Хотя и вряд ли знал про честь.
Не Д, Артаньян и слава Богу,
Нам Д, Артаньяны ни к чему!
Мы и своих дворян убогих
Сослали всех на Колыму.
Но пролетарий – не про Женю,
Хотя по жизни пролетел
Без экстремальных торможений,
Живёт и жил, как захотел.
Поэт. Французская забава!
Ходи себе и булку жуй,
Страна добра и величава,
Никто не скажет, что буржуй.
В кармане ни рубля, ни франка,
Одна лишь дырка, будто клюз,
Россию все же Жене жалко,
Хотя душою он француз.

Угарное

<http://www.stihi.ru/2014/06/18/3929>

Мне показалось – нашёл уголок,
Где нету пробок и улиц убитых,
Может, нашёл, только будет ли толк,
В этом углу с деревянным корытом?
Буду в галюн на отшибе ходить,
Зад подтирать прошлогодней газетой,
Есть интернет, как последняя нить,
Суть естества же, конечно не в этом.
Как на веранде мне течь устранить?
Я же отвык от подобной работы,
Вдруг заведутся, к тому же, глисты,
Руки мне мыть каждый раз неохота.
Печку топлю, как Рубцов, с озорством,
Только я не был, как он кочегаром,
И деревенским я не был жильцом,
И не нужна мне та печка и даром!
Дом мой опрятен, но всё же далёк,
Он от Москвы и от норм санитарных,
Я разжигаю в душе уголёк,
Только затух он от газов угарных...

Лебединое озеро

*Но между тем в катренах
«мэтра» грустил и пучился фекал
Евгений
Староверов*

Грустил фекал и пучился стихами,
И кеду с полукедой рифмовал,
Устав в смертельной битве с дураками,
Эксперт решил им разбодяжить кал.
Кончайте пестовать муру, поэты!
И постарайтесь заучить урок,
Не нужно рифмы «кеды-полукеды»,
И хватит про берёзы белый бок!
Вы не поэты, а вегитарьянцы!
Не то, что крови, даже мяса нет,
И не понять, к чему все эти танцы:
С утра по телевизору балет...

А в трубку молчал это я...

*Молчите вы в трубку... игриво.
Евгений Клюзов*

...А в трубку молчал это я —
Да был телефон не в порядке!
К тому же, я в пробке стоял,
Пока ты возился на грядке.
А ты уже вообразил
Любовницу с пышной грудью,
И с задом, как тягловый «ЗиЛ»,
Что возит большие орудья!
Ты не променадом дышал,
А самым, что есть, перегаром,
Потом сочинил мадригал,
Слегка с сексуальным угаром.
Гаишник, который забор
Сломал у соседа по-пьяни,
Сидит, как законченный вор,
Чинить он забора не станет.
Детей от тебя – полсела,
Не нужно показывать пальцем
На ту, что тебе не дала,
А, мол, прижила с постояльцем.
...Ну, вот – зазвонил телефон!
Ну, я покажу: «Не молчите!»,
Ругаюсь я, как солдафон,
И даже могу на иврите!

Снайпер

Полтыщи стихов, как полтыщи патронов,
Я в бой выхожу снаряжён тяжело,
Теперь атакуйте меня батальоном,
Раз мало вас в этом бою полегло!
Война! Я от этого слова пьянею,
Какой же поэт не бывал на войне!
Поэзию, как полуголую фею
В крови искупаю, как в красном вине!
Я не пулеметчик, а снайпер, скорее,
Я выбью у вас офицерский состав,
Мне радостно видеть, что враг мой звереет,
А после и ноги уносит стремглав.
Бракованных гильз у меня не найдёте,
Маслята что надо, я вам говорю,
А пули мои даже и на излёте
В башке оставляют большую дыру!
Я знаю, что доля меня не минует,
И если я буду убит на войне,
То пусть это будет тяжёлая пуля,
А лить эти пули положено мне!

Насыпьте мне в пакетик пешки

<http://www.stihi.ru/2014/10/21/9622>

Насыпьте мне в пакетик пешки,
И полпакетика ферзей,
И я на гвоздь повешу чешки,
Пойду в кино или музей!
Насыпьте мне слонов в карманы,
Ладей насыпьте в капюшон,
И я без всякого обмана,
Скажу тогда вам: данке шон!
В рукав насыпьте королей мне,
За пазуху – кило коней,
Не буду примой я балетной,
А лишь гроссмейстером при ней!

Вешки

Моя душа наивно в теле зачем-то держится едва,
Как будто я на самом деле слагаю правильно слова.
А если так, решили Боги, то пусть немного поживёт,
А там, глядишь, умрёт в дороге, а, может, и наоборот...
Мои стихи, они как вешки мне не дают уйти ко дну,
И я по ним с упорством пешки определяю глубину.
Так риска на краю стакана покажет вам, как наливать,
Чтобы не стать безумно пьяным и не свалиться под кровать.
Вот так и стих: всему он мера, и жизни, и большой любви,
Как бант на шее кавалера, передавивший ток крови.
Грустить не нужно над стихами, они ведь не торопят смерть,
А солнце вместе с облаками устроят сами круговерть.
Я не пишу сейчас о смерти, не спекулирую на ней,
Но кто-то смазал на конверте количество грядущих дней.

Флейта Пана

Рвутся струны души, если музыка властвует в сердце,
Если тонкие пальцы внутри с перебором прошли,
Погружаешься в мир, состоящий из сказочных терций,
И не хочешь уже прозябать на беззвучной мели.
И седой музыкант с обалденно огромным оркестром
В многоствольную флейту губами рулады заплёл,
Рвутся струны души и ты видишь – с какого-то места
Отделилась она и уходит в свободный полёт.
Рвутся струны души, со слезами ты чувствуешь это,
Он тебя покори́л – чудо-флейты изящный мотив!
И себя ощущаешь уже настоящим поэтом,
И готов написать на манжете изысканный стих.

Поднимающий знамя

Лукич воскрес! Воистину воскрес!
И вновь в ходу калёное железо!
Вчера ты был ещё богат, как Крез,
Сегодня я в карман к тебе залезу.
Я погоню вас всех на Соловки,
На Колыму, а может быть, подальше,
Мне надоели ваши все плевки
И голоса из неприкрытой фальши.
Лукич воскрес! Я поднимаю флаг,
Который мы когда-то уронили,
Пусть говорят, что прискакал дурак,
А лошадь у него в кровавом мыле...
Я не могу уже смотреть вокруг,
Кругом полно иуд и прочих фанни,
От пуль врага уже упал мой друг,
И я один посреди вселенской дряни!
Лукич воскрес! К ногтю капитализм!
Вы дождались, ребята, рецидива,
«Аврора» выплывает к вам на бис
Из Финского холодного залива.
Попов – к ногтю! Походят в неглиже,
Поездили в роскошных лимузинах,
Любого, кто замечен в дележе,
К ногтю как буржуазную скотину!
Лукич воскрес! А как хотели вы?
Минует вас двадцатое столетье?
«Аврора» вам сигналит из Невы,
И мавзолей как пирожок на третье.
Бегите лучше, видеть не могу!
От жирных рож внутри уже воротит!
И пусть вас расстреляют на бегу
Рабочие в красногвардейской роте!
Лукич воскрес! Умеем мы и так,
Раз говорить вы с нами не хотите.
У нас любой – потомственный батрак,
Не выползший еще из общежитий.
А революции всего-то сотню лет —
Младенческие сроки катаклизмов,
Не для того прошли мы столько бед,
Чтоб позабыть идеи коммунизма!

Чёрный тюльпан

Чёрный тюльпан на 101-м расцвёл километре,
Ближе к Москве вы не встретите этот цветок!
Что ты стоишь тут на этом пронзительном ветре,
Девичью честь продавая за водки глоток.
Кто же придумал рубеж отвратительней МКАДа,
Что ни цветок – обязательно чёрный тюльпан!
Только признаюсь, мне белых цветов и не надо,
Не потому, что я пьяница и горлопан.
Чёрный тюльпан – глубина необычная цвета,
Это не розовый вам никакой пеньюар,
Я и люблю эту девушку только за это,
А не за чёрный, как из гастронома загар.
Здесь тишина. Ни машин, ни красивых прохожих,
Даже ментов с их мигалками встретишь едва,
Много девиц на неё даже очень похожих,
Тех что растут под забором, как будто трава.
Чёрный тюльпан это сказка, наверно, такая,
Редкий цветок, вариант для неумной судьбы,
Пусть не смогу я прожить ей во всём потакая,
Но не хочу, чтобы были вы с нею грубы.

Автономка

Вилючинск. Подводная лодка у пирса.
Ей завтра с утра в автономку идти,
Где будут у ней с «булавой» экзерсисы
И много чего на нелёгком пути.
Корякский скучает, Авача спокойна,
И камбала с кумжей резвятся в Тарье,
Не верится даже, что могут быть войны
И рак засвистит на соседней горе.
Покой стерегут тут огромные лодки,
Быть может, и мы проживём без войны,
У наших матросов лужёные глотки,
И даже от шила они не пьяны.
Умеют, заразы, закусывать салом —
На лодках кормили всегда хорошо,
И лишь комсоставу здесь пить не пристало,
Стучат по стаканам лишь карандашом.
И сам капитан удивительно собран,
За Богом сегодня он будто старпом,
Фуражка его, как раздутая кобра,
И всё подготовлено будет с умом.
Камчатка... Забытая Богом планета.
Россией забыта со всеми людьми.
Они ничего вам не скажут про это,
Хотя и обидно порой, чёрт возьми!
С Петровских времён эта грозная крепость
Америки тяжесть несёт на плечах,
А жизнь здесь порой тяжела и нелепа,
Ругали её иногда сгоряча.
Но большею частью, конечно, любили,
Прощали правителям разным грехи,
Собой прикрывая квадратные мили
За круглую чашку обычной ухи.
Камчатка потом приходила ночами,
Ласкалась китёнком у борта души,
Какими же нужно им быть сволочами,
Чтоб память об этом в себе задушить!
У русских любовь – это странная штука,
Она не зависит от явных причин,
Любить же Камчатку и вовсе наука,
Которая для настоящих мужчин.

День влюблённых по-русски

У русских не бывает Дня влюблённых,
Привыкли прыгать мы через костёр⁴,
И всех сгоревших помнить поимённо,
Немного приглушая разговор.
Любить по-русски, это запредельно,
Тут дарят не сердечки, а сердца,
Что вынули горячими из тела,
И помнить завещали до конца.
Любить и помнить – это вам не шутки,
Не праздник под дурашливый мотив,
Который посвистят всего минутку,
Мелодию до жути извратив.
Любовь не любит шумной показухи,
Не любит поцелуев напоказ,
Любовь, когда едва коснулись руки,
А вы стоите, головы задрав...
В Европе пусть гуляют гей-парады,
И карнавалы всех влюблённых враз,
А мы в России просто будем рады
Одной лишь паре в нас глядящих глаз!

⁴ Ночь на Ивана Купала

Тройка

Меня читают только лишь поэты —
Я будто перед тройкой⁵ каждый день.
И требуют читать себя за это,
А мне, признаться, это делать лень.
Приговорят, конечно, ясен перец,
Неблагодарный, скажут, человек.
И снова тройка. Я, конечно, перед:
Зачем обманывал себя и век?
Путь в никуда проклятая стихира!
Читатели плодятся, как враги,
И тройкой изнахраченная лира
Споёт им про расстрел и батоги.
А я хотел бы про берёзки в поле,
Про голубей, собаку у воды,
Я видел сон, когда учился в школе,
Сказав себе, собака – это ты!
Ну, всыплю я сейчас друзьям-поэтам
Про сорок первый, ну-ка, понужай!
Пускай меня приговорят за это,
Зато в конце я напишу про май
И про Победу. Там – хоть убивайте
За разные неровности строки,
Поэтому и не нужны мне сайты,
Где менее читатели строги.

⁵ особая тройка НКВД

Георгиевский жук

Ну да, мы колорадские жуки,
В оранжевую, черную полоску,
Как будто бы с «Варяга» моряки,
И русским большинству свои мы в доску!
Мы приползаем к вам в кошмарных снах
И незалежность с хрустом поедаем,
Как гвозди на бандеровских гробах
И приговор украинскому раю.
Нас не берет майдана чёрный дым,
И киевская вонь, и вонь из Львова,
Фашистов мы с покрывками съедим,
Тем более, что вкус для нас не новый.
А колорадский жук – ну чем не танк?!
А Харьков знает, что такое танки,
И если русские уже пошли ва-банк,
То немцам отвечать осталось «Данке!»
В Карпатах вам не спрятаться от нас,
Схрустим, как бульбу, выкопав из схронов.
Последний европейский педераст
В ладошки будет хлопать нам со звоном!
Гремел когда-то на планете «Битлз»,
Хочу у Пола я спросить: Маккартни!
Не хочешь ли полоски нанести
Ты во всеобщем жуковом азарте?
Когда-то переплыли океан,
Когда-нибудь пересечём обратно,
Пускай дрожит проклятый пиндостан,
И сало перепрячет многократно.
Мы выгрызем из шахт ракеты все,
И уши отгрызем у президента,
Во всей чёрно-оранжевой красе
Обвяжем мир георгиевской лентой!

Мы в своих естественных пределах

Ядерная кнопка у планеты —
Мой любимый полуостров Крым!
Что могу ответить я на это —
Что уйду под воду вместе с ним?
Я готов, и вы готовы тоже —
Олигархи, в общем, не при чём,
Если суждено нас уничтожить,
Всё равно отсюда не уйдём.
Всех связал артековскою клятвой
Без конца любимый наш совок,
Крым пришили к нам такую драгвой,
Как петровский яловый сапог!
Вы ещё Камчатку отдерите,
И Архангельск, или же – Кронштадт,
Интересно, где господари те,
Что пытались много лет назад?
Это даже и необъяснимо:
Ну дался нам этот чёртов Крым?!
Аргументы пролетают мимо,
Кроме одного: не отдадим!
Ни к чему Босфор и Дарденеллы,
Ни к чему Гавайи и Ла-манш,
Но в Крыму воюем мы умело,
Потому-то до сих пор он наш.
Только как последнюю рубаху
Брату можно было Крым отдать,
Но её он прОпил бы со страху,
Этот брат продаст родную мать!
Мы в своих естественных пределах,
Крест косой – Андреевский как раз,
Как Россия устоять сумела
Можете испробовать на нас.

Разговор времени с поэтом

Я – время, страдалец-поэт, и привет тебе с кисточкой!
Не хуже, не лучше, другого такого же времени,
Хоть времени нет у меня говорить с эгоистами,
Кого подпирает по времени, будто беременных...

Не временна жизнь и, поэт, напиши её набело,
Не стариться думай под времени гнётом до времени,
Опять же, не нужно до срока хвататься за табельный,
Ведь скажут: ты, братец, не вынес тяжёлого времени!

Во время войны я поэтов построю, оболтусов,
Нарежу участок любому с одной амбразурой,
И каждому хватит для этого места на глобусе,
Где времени нет, к сожаленью, на женщин с фигурой!

Придёт этим женщинам время большого страдания,
Которое лечит и душу и, может быть, помыслы,
До времени бабские пусть попридержат рыдания,
Наступит их время, достигнут их божи промыслы!

А время придёт (то есть, я и приду, оглашенное!) —
Начну обожжённую землю засеивать семенем,
И ляжет как радуга имя твоё неразменное
На взорванный мост между прошлым и будущим временем!

Пока ещё отображаюсь

*Ну что, поэт, еще отображаешься?
Михаил Гуськов*

Я пока ещё отображаюсь
В лужах, окнах, льдинках, зеркалах,
И в стакане с чаем и без чаю,
И в помаде на твоих губах.
Я отображаюсь в мониторе,
Даже если выключить его,
А еще в далёком синем море —
Океане детства моего.
Я отображаюсь в Чёрной речке,
У Рубцова в тотьменском пруду,
Я отображаюсь в слове «вечность»,
Что мальчишкой выложил на льду.
И в стране я той отображаюсь,
Где сошёлся клином белый свет,
Пусть не каждый год там урожая,
Или вовсе урожая нет.
Я отображаюсь, не тревожся,
Даже если будет чёрный день —
Зеркала закроют – это ложь всё,
Просто я ушёл на время в тень!
А когда больничный оператор
Сердце мне массируя рукой,
И разряд добавив многократно,
До свиданья, скажет, дорогой!
За твоею встану я спиною
В миг, когда компьютер не горит,
И тогда ты спросишь, что со мною,
Почему такой усталый вид?

Послание Ахматовой из Ташкента

*Мы знаем, что ныне лежит на весах...
Анна Ахматова,
1942 год, Ташкент*

Услышал когда поэтессы слова
Про русскую речь и про слово,
Решил грешным делом, что помнит вдова
Один из стихов Гумилева.

Про мужество может сказать она что —
Простая дворянская баба,
Давно растеряла своих мужиков
На всех Соловецких ухабах.

Но мужество, кованое в лагерях,
К войне было тоже готово,
И зеки с пехотой пошли на паях
Спасать свое русское слово.

Мы с зеками будем, с казаками пусть,
Что здесь воевали сурово,
С Ташкента ведь помним мы все наизусть
Стихи про великое слово.

И пусть гастарбайтеры чистят бульвар,
Но знаю я: доля не минет,
Когда над Россией начнется пожар,
То мужество их не покинет.

А этих нацистов в Московском метро
Отвел бы на Волокаламку,
Где тридцать казахов, прищурясь хитро
Разделались с сотнею танков.

Пуškai он по-русски сейчас ни бум-бум,
Но русского он не стыдится,
Про хлопок не знает нацист-тугодум,
Идет что на русские ситцы.

Служил вместе с азией в армии я,
В стройбате мы все – азиаты,
Но где-то какая-то, слышу, свинья
Узбека лишила зарплаты,

Лишили – меня! Но попали впросак,

И все потому что я – с ними!
Час мужества пробил на общих часах,
И мужество нас не покинет!

Будьте прохожими!

«Будьте прохожими!»

Евангелие от Фомы

Фома, возможно, и не понял что-то,
Но «быть прохожим» – мало кто поймёт,
Хоть приняли его за идиота,
Но не такой он, видно, идиот.
Идут татары, турки или немцы,
Теперь уже кричат: «Идут хохлы!»
Для них мы тоже стали иноземцы,
Поэтому они, наверно, злы.
А «русские идут!» – звучит не лучше,
И сбрендил даже НАТО генерал,
Но если бы Иисуса он послушал,
То словно дурачок бы не орал.
Ведь русский человек – простой прохожий,
Ходок, бродяга, нищий и святой,
И зря его мечтают уничтожить,
Как и Христа – железною пятой!
Никто не верит, что на свете можно
Прохожим быть, а не бежать стремглав,
Коль не успеют вовремя стреножить,
С дороги все монетки подобрал.

Ответ Сталину о роли поэтов

*Если б вдруг товарищ Сталин
Задал вам вопрос?
Михаил Гуськов*

Товарищ Сталин, я готов ответить,
Какую для поэта вижу роль!
У нас поэты – как больные дети,
Я с ними разделяю эту боль.
Одни погибнут в лагерных бараках,
И на братоубийственной войне,
Другие потеряются во мраках
Докtrin, что не понятны им вполне.
Товарищ Сталин, я готов ответить
За весь несовершенный этот мир,
Не вижу сверхзадачу я в поэте,
Ведь он не комиссар и не вампир.
Он не солдат, а тень упавших наземь,
Последний крик убитых на войне,
Его приговорят за это к казни,
А вы в вину поставьте это мне.
Я не боюсь тиранов и злодеев,
Я тлен и пыль несбывшихся эпох,
Я ничего на свете не умею
Несчастных кроме этих вот стихов.
Товарищ Сталин! А, давайте, выпьем!
Ведь говорят, что вы в душе поэт!
Вам хочется кричать болотной выпью,
Когда людей уводят на тот свет?
Но вы свою поэзию загнали
В обложку манифеста бытия,
Поэтам денег дали и медали,
Наверно, взял бы, если б дали, я.
Но не дадут... Поэт он незаметен,
Как древоточец в вековых дубах,
Ни анекдотов от него, ни сплетен,
А только вязнет серой на зубах.
На всех поэтов пенсии не хватит,
Они как воздух и они – как свет,
Да и с какой, скажите, это стати,
Кормить поэта на исходе лет?
Но кто тогда расскажет вам про голод,
И про больничный тухлый запашок,
Что был когда-то полон сил и молод,
Что из него вполне бы вышел толк?
Пока, товарищ Сталин, до свиданья!

И с вами не сумел поговорить,
И не открыл вам тайну мироздания,
Не протянул и тоненькую нить...

Русские девочки

Девочки, девочки, русские девочки,
Из захолустных родных городков,
В Турцию возят вас петь на подпевочках,
И улаживать там больных стариков.
Русская девочка стоит недорого,
А почему, это мне не понять,
Может быть нашу Россию от врага
Не защитил я на круглую пять.
Может, в Чечне и Афгане не выслужил
Девочкам этим любовь и покой,
С каждой девочкой еду я мысленно
И по спине её глажу рукой.
Сколько я видел вас в туфельках лаковых
Под Кандагаром в горячечном сне,
Как я мечтал, чтобы если вы плакали,
То исключительно только по мне.
Я нарядил бы вас в платья белые,
Выдал бы замуж за верных друзей,
Девочки, девочки, что же вы сделали
С вашей жизнью и, в общем, с моей.
Красное солнце встаёт над Широкино,
Я доиграю в рулетку с судьбой,
Русские девочки, станьте жестокими,
И никогда не торгуйте собой.

Деревня как маленький город

Деревня как маленький город,
Не хутор, а всё же село,
В какую ненастную пору
Её население ушло?
Наверное, есть объективность,
Пореже сейчас города,
И вся деревенская живность

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.